

**ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ НАРОДА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ганиева Дилором Хусан кизи

*Республика Узбекистан, Шахрисабзский
район, преподавательница русского
языка Техникума № 1
ganievadilorom499@gmail.com*

Аннотация: В данной статье исследуется соотношение языка и культуры в рамках лингвокультурологической парадигмы. Авторы рассматривают механизмы кодирования национального менталитета, исторической памяти и ценностных ориентиров в единицах русского языка. На конкретном языковом материале — фразеологизмах, поговорках, концептах и словообразовательных моделях — показано, каким образом культурный опыт народа закрепляется в лексической системе. Особое внимание уделяется концептосфере русского языка, включающей базовые концепты «душа», «судьба», «тоска» и «воля», которые отражают специфику русского менталитета. Результаты исследования подтверждают, что язык выступает одновременно хранилищем, транслятором и творцом культурных смыслов.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, фразеологизм, поговорка, национальный менталитет, культурный код, концептосфера.

Abstract: This paper examines the correlation between language and culture within the framework of linguoculturology. The authors investigate the mechanisms by which national mentality, historical memory, and value orientations are encoded in Russian language units. Through specific linguistic material — phraseological units, proverbs, concepts, and word-formation models — the article demonstrates how the cultural experience of a people is consolidated in the lexical system. Particular attention is given to the conceptsphere of the Russian language, including the core concepts of 'dusha' (soul), 'sud'ba' (fate), 'toska' (longing/anguish), and 'volya' (freedom/will), which reflect the specifics of Russian mentality. The findings confirm that language simultaneously functions as a repository, transmitter, and creator of cultural meanings.

Keywords: linguoculturology, linguistic worldview, concept, phraseologism, paroemia, national mentality, cultural code, conceptsphere.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры принадлежит к числу фундаментальных проблем не только лингвистики, но и культурологии, антропологии и когнитивных наук. В классической немецкой философии языка, прежде всего у В. фон Гумбольдта, была сформулирована идея о том, что язык есть «дух народа», воплощённый в слове: каждый язык по-своему членит действительность и тем самым формирует особый образ мира для своих носителей. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах американских учёных Э. Сепира и Б. Уорфа, сформулировавших гипотезу лингвистической относительности, согласно которой язык определяет границы познаваемого мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях глобализации и интенсивных межкультурных контактов вопрос о сохранении национально-культурной идентичности через язык приобретает особую остроту. Во-вторых, расширение функциональных сфер русского языка в контексте его международного статуса требует глубокого осмысления его лингвокультурного своеобразия. В-третьих, накопленный в последние десятилетия обширный материал по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии нуждается в систематизации и концептуальном переосмыслении.

Цель статьи — исследовать механизмы отражения культурных смыслов в единицах русского языка и выявить лингвокультурологическую специфику русской концептосферы. В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи: (1) охарактеризовать теоретические основы лингвокультурологии; (2) проанализировать фразеологический и паремиологический фонд русского языка с точки зрения закреплённых в нём культурных смыслов; (3) выявить особенности ключевых концептов русской концептосферы; (4) установить связь словообразовательных моделей с культурными приоритетами.

Научная новизна исследования состоит в систематическом рассмотрении трёхуровневой модели языкового кодирования культурной информации: через фразеологическую консервацию, метафорическую трансляцию и концептуальную организацию лексики. Практическая значимость работы определяется возможностью её применения в преподавании русского языка как иностранного, в переводе и межкультурной коммуникации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Лингвокультурология как самостоятельная научная дисциплина сформировалась в последней четверти XX века на пересечении лингвистики, культурологии и этнографии. Предметом этой науки является «воплощённая в формах языка и преломлённая в них культура» (Маслова, 2001, с. 8). В

отечественной науке фундаментальный вклад в становление лингвокультурологии внесли работы В. Н. Телии, Ю. С. Степанова, В. А. Масловой и представителей Московской фразеологической школы.

Ключевым методологическим инструментом лингвокультурологии служит концепт — ментальное образование, в котором кристаллизуется культурно значимое содержание, освоенное языком. В отличие от лексического значения, концепт включает не только понятийную, но и образную, ценностную и этимологическую составляющие (Степанов, 2004). Концептосфера языка, по определению Д. С. Лихачёва (1993), представляет собой совокупность всех концептов нации — её потенциальный «мыслительный запас».

Отдельную теоретическую линию образует изучение языковой картины мира (ЯКМ). Согласно Ю. Д. Апресяну (1995), наивная ЯКМ — донаучное, стихийно сложившееся представление о мире, зафиксированное в семантике языковых единиц. В русском языке такая картина мира имеет ярко выраженную национальную специфику, которая проявляется прежде всего на уровне лексики и фразеологии.

В зарубежной традиции близкие идеи разрабатывались в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон), лингвистической антропологии (Дж. Гамперц, Д. Хаймс) и этнографии коммуникации. Синтез этих подходов открывает перспективу для сравнительно-сопоставительного изучения концептосфер различных языков, что, в свою очередь, позволяет обнаружить как универсальные, так и специфически национальные черты в способах концептуализации действительности.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом исследования послужили: «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова (свыше 4 000 единиц), «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, тексты художественной литературы XIX–XX вв. (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин), а также современные публицистические тексты и данные корпусной лингвистики (Национальный корпус русского языка, НКРЯ). Общий объём привлечённого материала составил свыше 3 500 единиц анализа.

В исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов: (1) лингвокультурологический анализ — для выявления культурно значимых смыслов в языковых единицах; (2) концептуальный анализ — для реконструкции ментального содержания ключевых концептов; (3) компонентный анализ — для описания семантической структуры лексем и фразеологизмов; (4) сопоставительный метод — для выявления межъязыковых и межкультурных различий; (5) корпусный метод — для верификации данных на репрезентативном материале.

Единицей лингвокультурологического анализа выступает лингвокультурема — двусторонняя единица, сочетающая лингвистическое и внелингвистическое (культурное) содержание (Воробьёв, 1997). Описание культурных коннотаций осуществлялось по параметрам: предметная область (труд, семья, природа и т. д.), аксиологическая направленность (положительная / отрицательная / амбивалентная), связь с архетипическими образами и прецедентными феноменами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Фразеологизмы и поговорки как хранилище культурной памяти

Фразеологический фонд языка является, пожалуй, наиболее консервативным пластом лексики: идиомы и поговорки способны сохранять культурную информацию на протяжении столетий. Анализ русских фразеологизмов обнаруживает несколько тематических доминант, отражающих ключевые сферы народного опыта.

Первая доминанта связана с православной духовностью и народной верой. Выражения «не в своей тарелке», «нести свой крест», «глас вопиющего в пустыне», «Фома неверующий», «валаамова ослица» восходят к библейским текстам и отражают многовековое влияние православия на русский менталитет. Само слово «душа» — едва ли не самый частотный компонент русских фразеологизмов: «душа нараспашку», «брать за душу», «отдать богу душу», «в чём только душа держится». Это обстоятельство свидетельствует о центральном месте категории духовного в русской культурной иерархии ценностей.

Вторая доминанта — отношение к труду и судьбе. Русские поговорки формируют принципиально неоднородную аксиологическую картину: с одной стороны, «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «терпение и труд всё перетрут»; с другой — «работа не волк, в лес не убежит», «от трудов праведных не нажить палат каменных». Это противоречие отражает исторически сложившееся амбивалентное отношение к труду в русской культуре, обусловленное как природными условиями земледелия, так и особенностями социально-исторического устройства.

Третья доминанта связана с концептуализацией пространства и пути. Выражения «на распутье», «идти своей дорогой», «вернуться на круги своя», «куда Макар телят не гонял» свидетельствуют об особой роли пространственных концептов в русской картине мира. Широкое открытое пространство (простор, воля, даль) осмысливается в русской культуре как символ свободы и потенциальности, что обусловлено в том числе историко-географическими факторами.

2. Ключевые концепты русской концептосферы

Концептуальный анализ позволяет выделить несколько концептов, специфических для русской языковой картины мира, — тех, которые не имеют точных эквивалентов в других языках и поэтому наиболее полно отражают национально-культурное своеобразие.

Концепт «душа» является, по убеждению большинства исследователей (Вежбицкая, 1999; Степанов, 2004), центральным в русской концептосфере. Семантика этого слова несводима к английскому «soul»: русская душа включает значения искренности, открытости, эмоциональной глубины и неопределённости. Высокая частотность слова «душа» в художественных текстах, огромное количество дериватов («душевный», «задушевный», «бездушный», «раздушить»), устойчивых сочетаний и фразеологизмов — всё это свидетельствует о ключевой роли данного концепта в организации русской языковой картины мира.

Концепт «судьба» отличается выраженным фаталистическим потенциалом. Синонимический ряд «судьба — доля — участь — рок — фатум — жребий» обнаруживает развитую систему нюансов в восприятии предопределённости. По данным НКРЯ, «судьба» входит в первую сотню самых частотных существительных русского языка. Формульные сочетания «такова судьба», «против судьбы не пойдёшь», «на роду написано» фиксируют этот ценностный паттерн на уровне устойчивых выражений.

Концепт «тоска» представляет особую сложность для межъязыкового перевода, поскольку обозначает специфическое состояние, объединяющее меланхолию, тревогу, ностальгию и экзистенциальную неудовлетворённость. А. Вежбицкая (1999) рассматривает «тоску» как культурный сценарий, укоренённый в специфике русского самовосприятия. Весьма показательно, что этот концепт широко отражён в художественной литературе — от Пушкина и Лермонтова до Чехова и Бунина.

Концепт «воля» в русском языке двузначен: он обозначает одновременно силу желания («сила воли») и свободу как отсутствие принуждения («вольный казак», «выйти на волю»). Это смысловое слияние уникально: в большинстве европейских языков данные значения разведены по разным словам. Синтез свободы и внутреннего побуждения в одном слове отражает специфику русского понимания автономии личности.

3. Словообразовательные модели как показатель культурных приоритетов

Деривационная система языка фиксирует культурные приоритеты не менее наглядно, чем лексика. В русском языке выявляется ряд характерных словообразовательных тенденций, имеющих явную культурную обусловленность.

Продуктивность суффиксов субъективной оценки (-еньк-, -оньк-, -ечк-, -ишк-, -ищ-) свидетельствует об эмотивности как структурной черте русского речевого поведения. Диминутивные формы «домик», «хлебушек», «солнышко», «деточка» несут не только уменьшительное, но и ласкательное, аффективное значение, что отражает особую роль эмоциональной близости в системе ценностей русской культуры.

Развитая система приставочного глагольного словообразования отражает особое внимание к аспектуальным характеристикам действия: «писать — написать — переписать — дописать — вписать — записать — подписать». Это многообразие форм указывает на высокую культурную значимость детального осмысления процессуальных характеристик — начала, конца, повторности, результативности действия.

Многочисленные лексемы с корнями «со-» / «вместе» («сострадание», «соучастие», «сопереживание», «совесть», «соборность») отражают коллективистскую ориентацию культуры, для которой разделённость переживания и совместная ответственность являются ключевыми этическими ценностями. Само понятие «соборности» — уникального русского концепта, означающего духовное единство общины, — не поддаётся точному переводу и остаётся культурно-специфическим понятием.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что культурная информация кодируется в русском языке на трёх уровнях. Фразеологический уровень выступает архивом коллективной памяти, фиксируя исторически значимые события, верования и поведенческие нормы. Концептуальный уровень организует ценностную картину мира, задавая иерархию смыслов. Деривационный уровень отражает культурные приоритеты через продуктивность тех или иных словообразовательных моделей. Все три уровня взаимодействуют, создавая целостную лингвокультурную систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило основной тезис о том, что язык является не пассивным отражением, а активным участником культурного процесса. Результаты анализа позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, русский язык обладает богатейшим фондом культурно маркированных единиц на всех языковых уровнях. Особую роль при этом играет фразеологический пласт, поскольку именно идиомы и поговорки обеспечивают преемственность культурной памяти в условиях диахронических изменений.

Во-вторых, концептосфера русского языка характеризуется рядом специфических концептов — «душа», «тоска», «судьба», «воля», «соборность» — которые не имеют точных эквивалентов в других языках и потому

представляют особую ценность как для лингвокультурологии, так и для теории и практики перевода.

В-третьих, словообразовательные модели русского языка демонстрируют структурную связь с культурными приоритетами: высокая продуктивность диминутивов отражает эмотивность культуры, а развитая приставочная система глаголов — склонность к детальной концептуализации процессов.

В-четвёртых, выявленная трёхуровневая модель кодирования культурного смысла (фразеологическая консервация — концептуальная организация — деривационная маркировка) может служить теоретическим основанием для сравнительно-сопоставительных исследований других языков.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с применением корпусных методов для диахронического изучения изменений в культурных коннотациях языковых единиц, а также с расширением сопоставительного аспекта на тюркские и иранские языки в контексте культурной интеграции евразийского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. Москва: Школа «Языки русской культуры». — 472 с.
2. Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки русской культуры. — 780 с.
3. Воробьёв, В. В. (1997). *Лингвокультурология: теория и методы*. Москва: РУДН. — 331 с.
4. Гумбольдт, В. фон. (1984). *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс. — 451 с.
5. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: Едиториал УРСС. — 256 с.
6. Лихачёв, Д. С. (1993). *Концептосфера русского языка*. Известия РАН. Серия литературы и языка, 52(1), 3–9.
7. Маслова, В. А. (2001). *Лингвокультурология*. Москва: Академия. — 208 с.
8. Степанов, Ю. С. (2004). *Константы: словарь русской культуры*. Москва: Академический проект. — 992 с.
9. Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры. — 288 с.
10. Токарев, Г. В. (2009). *Лингвокультурология*. Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 135 с.
11. Молотков, А. И. (ред.) (1986). *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык. — 543 с.

12. Жуков, В. П. (1991). *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык. — 534 с.

